

**БОКАЛ
ШАМПАНСКОГО**

ГЛАВА 1

Если бы не дождь и ветер тем промозглым мартовским утром, во вторник, я бы наверняка отправился в банк, чтобы обналичить пару чеков, и Остин Байн до меня бы не дозвонился. Пришлось бы ему искать кого-нибудь еще. Впрочем, сомневаюсь. Думаю, он перезвонил бы позже, так что не стоит, пожалуй, винить во всем погоду. В общем, все вышло так, как вышло: я сидел в кабинете, смазывал пишущую машинку и два «марли» 38-го калибра, на которые у нас имелись разрешения, из одной и той же банки с маслом. Зазвонил телефон, я снял трубку и ответил:

— Кабинет Ниро Вулфа. Арчи Гудвин на проводе.

— Привет. Это Байн. Мозгляк Байн.

Вам-то хорошо, вы это читаете, а я на слух ловил — и не поймал. Мне показалось, в трубку заквакала подыхающая лягушка.

— Лучше прокашляйтесь, — посоветовал я. — Ну или чихните, а потом представьтесь снова.

— Не поможет. Трубы забиты насмерть. Трубы. Забиты. Понял? Это Байн говорит. По буквам разобрешь? Б-а-й-н.

— А-а, здорово! Не спрашиваю, как жизнь. По твоему голосу все сразу ясно. Сочувствую, приятель.

— Спасибо. Мне кое-что от тебя нужно. — Теперь его речь звучала чуть разборчивее. — Я нуждаюсь в помощи. Окажи услугу. Для меня это чертовски важно!

Я скорчил гримасу:

— Поглядим. Лишь бы со стула встать не пришлось и зубами рисковать.

— Ничего такого. Ты ведь знаешь мою тетушку Луизу? Миссис Роберт Робилотти?

— По делам пересекались. Мистер Вулф ей как-то помог, нашел потерянные драгоценности. Ну она наняла его, работал я, конечно, и мы с ней не сошлись характерами. Ей не понравилось одно мое замечание.

— Ерунда! Она быстро забывает такие мелочи. Полагаю, ты слышал о званых вечерах, которые она устраивает ежегодно в день рождения моего дядюшки Альберта, да покоится он с миром.

— Еще бы. Покажи мне того, кто не слышал.

— Отлично. Очередной прием сегодня, ровно в семь. Мне велено развлекать гостей, но куда я гожусь с такой-то простудой? Тетка разозлится как не знаю кто, если выяснится, что нужно срочно искать замену, но я собираюсь ей позвонить и сообщить, что уже подыскал достойного парня вместо себя. Некого мистера Арчи Гудвина. Кстати сказать, ты всегда умел вести себя в свете, не то что я. Она тебя знает, твое дерзкое замечание давно забыто после доброй сотни моих, которыми она возмущалась, и с дамами ты прекрасно ладишь. В общем, черный галстук, ровно в семь, адрес тебе известен. Когда я позвоню тетке, она, естественно, перезвонит тебе, чтобы удостовериться. Ради ответа вставать со стула тебе не придется, а за столом, уж поверь, не подадут ничего такого, обо что можно обломать зубы. У моей тетки прекрасный повар. Господи, сам не верю, что сумел произнести все это! Ну так что, Арчи?

— Думаю, — рассудительно произнес я. — Потерпи еще чуток, раз уж дергаешь меня в последний момент.

— Извини, но я надеялся, что успею оклематься. А сегодня утром глаза открыл и понял, что не успел. Я тебя тоже однажды выручу.

— Это вряд ли. У меня нет тетки-миллионерши. Сильно сомневаюсь, что она забыла мои слова, я тогда изрядно надерзил. А что, если она меня забракуют? Снова позвонишь, скажешь, что все отменяется, потом кинешься искать кого-нибудь другого, охрипнешь окончательно, а я на тебя крепко обижусь.

Разумеется, я просто тянул время, отчасти потому, что мне хотелось кое-что для себя прояснить. В его насморке с кашлем ощущалось какое-то притворство. Когда у тебя забита носоглотка, ты все равно четко выговариваешь свистящие звуки, как в сло-

вах «семь» или «цепь», а Байн изображал пришептывание, да и там, где обычно гундосят, как-то чересчур старался. Короче, я заподозрил, что он меня дурачит. Вдобавок не будь я самого высокого мнения о себе, то задался бы вопросом: а с какой, собственно, стати меня выбрали в заместители? Нас с Байном закадычными дружками не назвать. Правда, это пустяки. Если ты себя ценишь как надо, то разыграешь удивление, когда тебе позвонит председатель коллегии выборщиков и скажет, что его партия решила выдвинуть тебя в президенты Штатов, но на самом-то деле ничуть не удивишься.

Помучил я его ровно столько, чтобы убедиться, что простуда не более чем выдумка, а затем согласился. Признаюсь, эта вечеринка меня манила. Новый опыт, как ни крути, который расширит мои познания относительно человеческой природы. Заодно пощекочу себе нервишки, потолкаюсь среди чопорной публики, посмотрю, как они себя поведут. И проверю, как буду чувствовать себя сам. Так что я пообещал сидеть на месте и дожидаться звонка тетушки Луизы.

Звонок раздался меньше чем через полчаса. Я как раз закончил смазывать оружие и укладывал револьверы в ящик письменного стола. Когда я снял трубку, знакомый женский голос сообщил, что звонит секретарь миссис Робилотти и что миссис Робилотти желает поговорить со мной.

— Снова насчет ее бриллиантов, мисс Фромм? — уточнил я.

— Она сама вам все расскажет, мистер Гудвин.

В трубке раздался другой голос, тоже знакомый:

— Мистер Гудвин?

— Слушаю.

— Мой племянник Остин Байн сказал, что созванивался с вами.

— Вроде бы да.

— Вроде бы?

— Ну, по телефону не видно, с кем говоришь. Он назвался Байном, но с тем же успехом это мог быть ученый тюлень.

— У моего племянника ларингит, о чем он вас уведомил. Очевидно, вы ничуть не изменились. Остин сказал, что попросил вас заменить его на обеде этим вечером и что вы согласились,

если будет приглашение. Все верно? — (Я не стал отрицать.) — По его словам, вы осознаете размах и значимость мероприятия.

— Вполне осознаю. Как и прочие миллионов пятьдесят населения страны.

— Увы, мне жаль, что это событие получило такую огласку, но я не вправе ничего менять, не оскорбляя память своего покойного первого мужа. Считайте, что вы приглашены, мистер Гудвин.

— Ладно. Я принимаю приглашение из уважения к вашему племяннику. Спасибо.

— Очень хорошо. — В трубке помолчали. — Конечно, гостей, как правило, не принято предупреждать насчет подходящего поведения, но в этом случае, думаю, напомнить о хорошем тоне не помешает. Вы согласны?

— Всей душой.

— От вас потребуются тактичность и скромность.

— Обязательно прихвачу их с собой, — заверил я.

— И достойные манеры.

— Попробую одолжить. — Тут я решил, что пора слегка при тормозить. — Не беспокойтесь, миссис Робилотти, я прекрасно все понимаю. Можете рассчитывать на меня вплоть до кофе и даже после. Я все усвоил, честное слово. Такт, скромность, манеры, черный галстук, начало в семь.

— Тогда мы вас ждем. Не вешайте трубку. Мой секретарь сообщит вам имена приглашенных. Будет намного проще, если вы узнаете их заранее.

Снова послышался голосок мисс Фромм.

— Мистер Гудвин?

— По-прежнему тут.

— Возьмите, пожалуйста, бумагу и карандаш.

— Они у меня всегда под рукой. Давайте, я слушаю.

— Прервите меня, если я начну торопиться. За столом будет двенадцать гостей. Мистер и миссис Робилотти. Мисс Селия Грантэм и мистер Сесил Грантэм. Это сын и дочь миссис Робилотти от первого брака.

— Ага, я знаю.

— Мисс Хелен Ярмис. Мисс Этель Варр. Мисс Фэйт Ашер. Успевае? — (Я подтвердил.) — Мисс Роуз Таттл. Мистер Пол Шустер. Мистер Беверли Кент. Мистер Эдвин Лэйдлоу. Вы. Всего двенадцать человек. Мисс Варр посадят справа от вас, а мисс Таттл сядет слева.

Я поблагодарил и повесил трубку. Теперь, когда меня пригласили и сосчитали, идея подменить Байна несколько утратила свою привлекательность. Да, побывать на вечеринке будет любопытно, но нервотрепки, похоже, не избежать. Ну да ладно, все равно уже согласился. Я позвонил Байну по оставленному им номеру и сказал, что он волен торчать дома и выкашливать легкие. Потом подошел к столу Вулфа и написал на календаре имя миссис Робилотти и номер телефона. Вулф захочет узнать, куда я запропастился, пусть даже сейчас мы не расследуем ничего важного. А вдруг кто-нибудь обратится за помощью и пожелает оплатить наши услуги? Затем я вышел в прихожую, свернул налево и через вращающуюся дверь проник в кухню. Фриц Бреннер за большим столом смазывал анчоусным маслом икру шэда.

— Меня к обеду не жди, — сказал я. — Я подписался выполнить главное доброе дело года и обречен страдать.

Фриц перестал мазать масло и взглянул на меня:

— Тебе же хуже. Будут телячьи рулетки в кастрюльке, как положено, с грибами и белым вином.

— Уже слюнки потекли. Но, может, там, куда я иду, найдется что-нибудь съедобное.

— Например, клиент?

Он вовсе не лез не в свое дело. Фриц Бреннер не из тех, кто обожает копаться в чужом белье — даже в моем. Он лишь проявлял надлежащую заботу о благополучии вверенного ему хозяйства и людей, проживающих в старом особняке из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице; лишь хотел удостовериться, что мое отсутствие за обедом пойдет на пользу нашему дому. Хозяйство требовало изрядных расходов. Нужно платить мне, платить Фрицу, платить Теодору Хорстману, который дни напролет, а случалось, и ночи, проводил в оранжерее,

среди десяти тысяч орхидей. Нас всех следовало кормить, причем той едой, которую Вулф предпочитал и обеспечивал, а Фриц готовил. Орхидеи тоже нуждались в постоянной опеке и уходе, а на прошлой неделе Вулф прикупил орхидею целогину из Бирмы за восемьсот баксов, и такие траты были привычным делом. В общем, перечислять расходы можно долго, очень долго, а единственным нашим источником доходов были люди, угодившие в неприятности и способные, а также желающие заплатить частному сыщику за избавление от этих неприятностей. Фриц прекрасно знал, что сейчас у нас на руках нет никакого дела, а потому скромно интересовался, не позволит ли моя отлучка приступить к новому расследованию.

— Нет, клиентов не предвидится, — покачал я головой и, сев на стул, добавил: — Это бывшая клиентка, миссис Роберт Робилотти, та, что пару лет назад лишилась колец и браслетов сразу на миллион, а мы их нашли и вернули. Мне нужен совет, Фриц. Ты, конечно, в женщинах разбираешься похуже, чем в еде, но я-то знаю, что опыт у тебя богатый. Короче, подскажи, как мне вести себя этим вечером.

— С женщинами? — фыркнул он. — Тебе понадобился совет насчет женщин, с твоим-то списком разбитых сердец?! И от кого — от меня? Арчи, ты ничего не напутал?

— Спасибо на добром слове, но там будут особенные женщины. — Кончиком пальца я подцепил каплю анчоусного масла, упавшую на стол, и отправил в рот. — В том-то и заковыка. Первый муж этой миссис Робилотти, Альберт Грантэм, последние десять лет жизни усиленно тратил свое наследство в триста или четыреста миллионов долларов на то, чтобы сделать лучше мир и людей, живущих в этом мире. Думаю, ты согласишься со мной, что дамочка с младенцем, но без мужа заслуживает лучшей участи.

Фриц поджал губы:

— Для начала стоило бы взглянуть на эту дамочку и ее младенца. Не исключено, что они и вправду очаровательны.

— Тут дело не в очаровании. Во всяком случае, не для Грантэма. Вообще-то, попечение о незамужних матерях-одиночках не являлось для него крупной статьей расходов, но он явно

испытывал к ним личный интерес. Он редко допускал, чтобы его имя связывали с какими-либо проектами, но здесь отпираться не стал. Построенный на его средства приют для таких матерей в округе Датчесс по сей день называется Грантэм-Хаус... Эй, а что ты сейчас подмешал?

— Майоран. Так, на пробу.

— Не говори Вулфу. Поглядим, почует ли он. Так вот, когда очередная благодетельствованная мать-одиночка покидала Грантэм-Хаус, ей продолжали платить содержание, пока она не находила работу или мужа, но даже после того приглядывали. Сам Грантэм за несколько лет до смерти установил вот какое правило. На его день рождения они с женой каждый год приглашали четырех дамочек из приюта на обед в дом на Пятой авеню, а заодно, в пару к девицам, звали четверых кавалеров. Грантэм умер пять лет назад, но его жена поддерживает эту традицию. Мол, так она воздаст должное своему супругу, хотя сама-то вышла замуж снова за типа по имени Роберт Робилотти, который в благотворительности замечен не был. Сегодня как раз день рождения Грантэма, и я иду на этот обед в качестве одного из кавалеров.

— Нет! — воскликнул Фриц.

— Что «нет»?

— Только не ты, Арчи!

— Почему?

— Ты все испортишь. Бедняжки вернутся в Грантэм-Хаус, не пройдет и года.

— Это ты зря, — сурово проронил я. — Спасибо за комплимент, конечно, но дело серьезное, и мне нужен совет. Сам посуди: кругом молодые мамы, которым оказали покровительство с тем расчетом, что они сумеют ухватиться за выпавший шанс. Давай допустим, что они так и поступили. Их приглашают на ужин в треклятый особняк, где будут четверо молодых людей, подходящих застольных партнеров, которых они прежде в глаза не видели и, скорее всего, никогда больше не увидят. Весело, правда? Короче, я в растерянности. Грантэм помер, и с ним толковать мне не придется, а миссис Робилотти пускай пропадает

пропадом, живая или мертвая, но как мне вести себя с остальными? Готов выслушать полезные советы.

Фриц наклонил голову:

— Зачем ты туда идешь?

— Потому что попросил один приятель. Сам не знаю, почему он выбрал именно меня, но это мы пропустим. Думаю, я согласился пойти, рассчитывая поразвлечься, но теперь сообразил, что обед обещает превратиться в скуку смертную. Так или иначе, согласие дано. И что прикажешь делать? Я могу, конечно, валять дурака, строить из себя клоуна, завести разговор про детей или пуститься во все тяжкие... Или, может, произнести прочувствованную речь о знаменитых матерях — вроде Венеры, жены Шекспира и той римлянки, у которой были близнецы?..

— Ни в коем случае!

— Что тогда?

— Не знаю. Твоя болтовня мешает мне сосредоточиться.

— Ладно, умолкаю.

Он наставил на меня нож:

— Арчи, я хорошо тебя изучил. Наверное, не хуже, чем ты изучил меня. Мне нравятся наши беседы. Никакой совет тебе и даром не нужен. Что делать? — Он взмахнул ножом, будто разрезая невидимый кусок съестного. — Ха! Придешь, осмотришься — и будешь вести себя так, как посчитаешь нужным. Ничего нового. Если тебе станет противно, ты уйдешь. Если одна из девушек окажется миленькой и вокруг нее будут увиваться мужчины, ты отведешь ее в сторонку и предложишь завтра пообедать вдвоем. Если будет скучно, ты объешься, чем бы за столом ни кормили. Если оскорбишься... О, лифт заработал. — Он покосился на настенные часы. — Боже мой, уже одиннадцать! Пора шпиговать! — Фриц устремился к холодильнику.

Я не пошевелился. Вулф, когда спускается, предпочитает видеть меня в кабинете, на рабочем месте, а если я отсутствую, это его будоражит, что хорошо для кровообращения, посему я дождался, когда лифт остановится и в коридоре послышатся его шаги. Никогда не понимал, почему он не производит больше шума. Казалось бы, его ноги, не крупнее моих, должны проседать под тяжестью тела весом в седьмую часть тонны, но этого не

происходит. Впечатление всякий раз такое, словно идет человек в половину веса Вулфа. Я дождался, пока он дойдет до стола и усядется в громадное, сделанное по особому заказу кресло, после чего пошел доложиться. Он ворчливо пожелал мне доброго утра, и я ответил ему тем же. Да, общее утро у нас начиналось поздно: Фриц относил завтрак в спальню Вулфа на подносе, а с девяти до одиннадцати Вулф пребывал в оранжерее — каждый день, в том числе по воскресеньям, в компании Теодора и орхидей.

Сев за свой стол, я сообщил:

— Вчерашние чеки не обналичил, погода помешала. Может, развиднеется ближе к трем.

Вулф просматривал почту, которую я сложил на его стол.

— Обратись к доктору Волмеру, — проворчал он.

Это означало, что раз уж такая мелочь, как стылый мартовский дождь, помешала мне добраться с чеками до банка, выходит, я простыл. Поэтому у кашлянул. Потом чихнул.

— Обойдемся без доктора, — сказал я твердо. — Он еще пожелает уложить меня в кровать, а со всей нашей суматохой это не годится. Вам же без меня не справиться.

Вулф метнул на меня пристальный взгляд, кивнул в знак того, что принимает мой довод, и потянулся к перекидному календарю. Так у него было заведено — сначала почта, затем календарь.

— Что это за телефонный номер? — требовательно спросил он. — Миссис Робилотти? Это та женщина?

— Именно она, сэр. Та самая, что отказывалась платить вам двадцать тысяч, но все-таки заплатила.

— Что ей нужно теперь?

— Ей нужен я. Вы найдете меня у нее сегодня вечером после семи.

— Этим вечером придет мистер Хьюитт, он принесет дендробиум и хочет полюбоваться ренантерой. Ты обещал быть здесь.

— Знаю. Я и собирался, но вмешались непредвиденные обстоятельства. Она позвонила мне с утра.

— Вот уж не думал, что она обихаживает тебя — или ты ее.

— Ни то ни другое. Я с ней не виделся и ничего о ней не слышал с тех самых пор, как она выписала чек. Тут особый случай. Может, помните, что, когда она вас наняла и мы с вами

ее обсуждали, я упомянул одну историю, вычитанную в журнале, — насчет званных обедов, которые она устраивает ежегодно в день рождения своего первого мужа? Приглашает четырех девушек и четверых парней. Эти дамочки — незамужние матери-одиночки из прию...

— Да, помню. Пустое бахвальство. Мнимая благотворительность. Хочешь сказать, ты в этом замешан?

— Ничего такого я не говорил. Мне позвонил знакомый, Остин Байн, и попросил его подменить, потому что он слег с простудой. Я согласился, решил, что новый опыт не повредит. Закалю себе нервы, попутно кругозор расширю.

Глаза Вулфа сузились.

— Арчи...

— Слушаю, сэр.

— Я когда-либо вмешивался в твои личные дела?

— Конечно, сэр. Регулярно. Сами вы думаете иначе, так что продолжайте.

— Я не вмешиваюсь. Если тебе взбрело в голову зачем-то принять участие в этом нелепом представлении — воля твоя. Я просто указываю, что тем самым ты принижаешь себя. Этих бедолаг зовут на обед с совершенно очевидной целью. В надежде, что они — хотя бы одна из них — встретят мужчину, который настолько проникнется их положением, что пожелает продолжить знакомство и в итоге признает собственным отпрыском если не младенца, который уже родился, то плод, вызревающий в утробе. Следовательно, твое присутствие на обеде будет откровенным обманом, и тебе это хорошо известно. Я, признаться, сомневаюсь в том, что ты позволишь хотя бы одной женщине надеть на тебя ярмо, но, если это однажды произойдет, такая женщина должна обладать качествами, которые сделают для нее невозможной участь подобных несчастных созданий. Коротко говоря, ты намерен податься в мошенники.

— Никак нет, сэр, — замотал я головой. — Вы все неправильно поняли. Я не стал вас перебивать, дал высказаться. Если бы затея сводилась к этому — познакомить девушек с потенциальными женихами, я бы во всеуслышание восхвалил миссис Ро-

билотти, но пойти бы не пошел. Там все другое, уж поверьте. Мужчин зовут из той среды, в которой вращается она сама, — черные галстуки по вечерам шесть дней в неделю, никаких вольностей. Считается, что такая встреча принесет девушкам пользу, укрепит их мораль. Провести вечерок в благородной компании, поесть сливок, попробовать икру, посидеть на стуле работы Конгрива...¹ Конечно...

— Конгрив стульев не делал.

— Знаю, но тут просилось какое-то имя, а его фамилия первой пришла на ум. Конечно, все это слащавая чушь, но мошенничеством здесь и не пахнет. И можете не сомневаться: я иду туда не как на заклятие. Наука утверждает, что некоторые девушки расцветают, телесно и духовно, становятся притягательнее после рождения ребенка. К тому же они обладают некоторым семейным опытом...

— Пф! Так ты все же пойдешь?

— Пойду, сэ. Я сказал Фрицу, что меня к обеду ждать не стоит. — Я поднялся. — Пора делами заняться. Если захотите ответить на почту до обеда, позовите, и я приду через пару минут.

Мне вспомнилось, что в субботу вечером кто-то во «Фламинго» пролил какую-то жидкость на рукав моего пиджака от вечернего костюма. Дома я плеснул на ткань пятновыводителем и забыл проверить, сошло пятно или нет. Поднявшись к себе, я осмотрел костюм и убедился, что пятно исчезло.

ГЛАВА 2

Внутреннее устройство особняка Грантэмов, ныне принадлежавшего Робилоти, на Пятой авеню в районе Восьмидесятых улиц, было мне хорошо знакомо: когда мы охотились за пропавшими бриллиантами, я излазал там каждый дюйм, в том числе

¹ Имеется в виду английский драматург XVIII в. У. Конгрив. Арчи, вероятно, называет его имя, потому что в пьесах Конгрива подробно описывалась обстановка аристократических салонов. В частности, в английском языке за кушеткой-оттоманкой с фигурной спинкой — такими кушетками изобиловали салоны — даже закрепилось название «диван Конгрива».

и на половине слуг. Поэтому, пока ехал на такси в центр города, я размышлял о предстоящем приеме. Я предположил, что гостей соберут на втором этаже в так называемой музыкальной гостиной. Не угадал — для матерей-одиночек сойдет что попроще.

Открывший мне Хэкетт держался великолепно. Раньше, когда я приходил как наемный детектив, он вел себя безукоризненно строго, а теперь, когда я вдруг сделался приглашенным гостем, он воспринял эту перемену как должное, не моргнув и глазом. Наверное, того, кому поручают открывать двери, можно при желании обучить всем премудростям правильного взятия пальто и шляп у людей разного положения, но как по мне, тут столько всего понамышано, что без врожденного таланта не обойтись. Вид, с которым Хэкетт поздоровался со мной, поневоле заставлял вспомнить наши прошлые встречи и служил наглядным уроком хороших манер.

Я попробовал его растормошить. Когда он принял у меня шляпу и пальто, я высокомерно поинтересовался:

— Как ваши делишки, мистер Хэкетт?

Он ничуть не смутился. У этого типа точно железные нервы.

— Очень хорошо, мистер Гудвин, спасибо, что спросили, — вежливо ответил он. — Миссис Робилотти в гостиной.

— Ваша взяла, Хэкетт. Поздравляю. — Я за десять шагов пересек холл и миновал сводчатую арку.

Потолок гостиной возвышался над полом футов на двадцать, пятьдесят пар танцоров уместились бы в ней без всякого труда, а уголок для оркестра не уступал размерами моей спальне. Освещали комнату три хрустальные люстры, подвешенные еще при матери Альберта Грантэма, и она же велела поставить тридцать семь стульев — в свое время я все их пересчитал — разнообразной формы и размера, изготовленных, конечно, не в духе Конгрива, но и не с фабрик в Гранд-Рапидс¹. Среди всех помещений — а я повидал их немало — эта комната менее всего, на мой взгляд, подходила для милого общения квартета незамужних матерей-одиночек с незнакомыми мужчинами. Войдя

¹ Город в штате Мичиган, исторический центр массового мебельного производства в США.

в гостиную и оглядевшись, я прогулялся, иначе не скажешь, до барной стойки, возле которой в окружении других гостей стояла миссис Робилотти. Когда я приблизился, она обернулась и протянула мне руку:

— Рада вас видеть, мистер Гудвин.

Ну да, ей бы следовало поучиться выдержке у Хэкетта, но признаю: в целом она справилась. В конце концов, меня ведь ей фактически навязали. Бледно-серые глаза, посаженные так глубоко, что брови словно переламывались под острым углом, не лучились радушием, но еще вопрос, способны ли они вообще воспламеняться чувством. Надо сказать, угловатость в ее внешности бровями не ограничивалась. Тот, кто составлял ее облик, явно предпочитал углы плавным изгибам и не упустил ни единой возможности это доказать, а минувшие годы — ей, должно быть, под шестьдесят — нисколько не сгладили первоначальный замысел. Ладно хоть, ниже подбородка все было скрыто — платье, бледно-серое под цвет глаз, было с длинным рукавом, а воротник облегал основание дряблой шеи. Когда мы искали бриллианты, мне дважды довелось наблюдать ее в вечернем наряде, и не скажу, что зрелище доставило удовольствие. Сегодня, кстати, она надела только жемчужное кольцо и пару колец.

Меня представили другим гостям и поднесли коктейль с шампанским. Первый же глоток дал понять, что с коктейлем что-то не так, и я переместился ближе к барной стойке, чтобы выяснить причину. Смешивал коктейли Сесил Грантэм, сын хозяйки от первого брака, и то, что он творил, было хуже простого убийства. Я увидел, как он, держа бокал ниже стойки бара, кладет туда полкуска сахара, роняет две капли биттера, выдавливает сок лимона, наливает до половины содовой, потом ставит бокал на стойку и почти до краев заполняет из бутылки «Кордон Руж». Не спорю, губить добротное шампанское отравой вроде сахара и биттера с лимоном — довольно распространенное преступление, но вот содовая — это вообще за гранью добра и зла. Мотив Сесила был очевиден — понизить градус, чтобы почетные гости не перебрали, однако, поддавшись искушению, видимо, содовая в шампанском подействовала, я решил не спус-

кать с него глаз. Мне хотелось выяснить, сделает ли он такую же бурду для себя, но тут прибыл очередной гость, и пришлось отвлечься на знакомство. Это был последний из двенадцати приглашенных.

К тому времени, когда наша хозяйка повела нас по широкой мраморной лестнице в столовую этажом выше, я успел мысленно рассортировать гостей и сопоставить лица с именами. Разумеется, с четой Робилотти и близнецами, Сесилом и Селией, я встречался раньше. Пол Шустер оказался типом с острым носом и внимательным взглядом темных глаз. Беверли Кент выделялся длинным, вытянутым лицом и большими ушами. Коротышка Эдвин Лэйдлоу то ли забыл причесаться, то ли его волосы не слушались расчески.

Я заранее решил для себя, что с девушками лучше всего держаться таким старшим братом, который обожает своих родственников и постоянно над ними подшучивает — конечно, с должным тактом и утонченностью. Реакция девушек подтвердила правильность такого решения. Хелен Ярмис, высокая и стройная, пожалуй, ближе к худобе, с огромными карими глазищами и пухлыми губками — вот только бы она научилась улыбаться по-настоящему, а не кривить уголки рта — умело выказывала спокойное достоинство. Этель Варр, приведись мне выбирать свою судьбу, я выбрал бы не раздумывая: нет, красотой она с ног не валила, но свою головку носила на плечах гордо, а лицо у нее было из тех, что понуждают оглядываться, ибо оно непрерывно менялось в игре света и тени.

Фэйт Ашер я бы определил себе в сестры, потому что она, казалось, нуждается в братской опеке больше всех остальных. К слову, она была симпатичнее прочих, миловидная, с зелеными искорками в глазах и ладной фигуркой со всеми нужными округлостями, но усиленно прятала свои прелести, опуская плечи и так крепко напрягая лицевые мышцы, что того и гляди морщины пойдут. Правильный брат мог бы сотворить с ней подлинное чудо, однако за столом меня лишили всякого шанса — посадили напротив, слева от нее очутился Беверли Кент, а справа — Сесил Грантэм.

По левую руку от меня сидела Роуз Таттл, вид которой недвусмысленно намекал, что никакой брат ей не нужен. Голубые глаза, круглое лицо, волосы стянуты в хвостик, фигура пухлая настолько, что хватило бы поделиться с миссис Робилотти и еще бы осталось. Роуз лучилась весельем, и было件нятно, что случайным рождением ребенка эту природную радость не омрачить. Даже рождением двух детей, как я вскоре узнал. Нацепив на вилку устрицу, она повернулась ко мне:

— Гудвин — так вас зовут?

— Верно. Арчи Гудвин.

— Забавно. Вон та дама уверяла, что я буду сидеть между мистером Эдвином Лэйдлоу и мистером Остином Байном, а вы говорите, что ваша фамилия Гудвин. На днях я рассказывала подружке, что меня пригласили на вечеринку, и она предположила, что среди гостей должны быть холостые отцы... Вы вроде как поменяли фамилию, а что насчет холостого отца?

Я напомнил себе, что от меня ожидают тактичности.

— Наполовину, — признался я. — Я вполне холост, но отцом, насколько знаю, стать пока не успел. Мистер Байн простудился, не смог прийти и попросил меня его подменить. Что ж, ему не повезло, зато повезло мне.

Роуз съела одну устрицу, вторую — она и ела весело — и снова повернулась ко мне:

— Знаете, я как раз говорила той своей подружке, что, если все мужчины в высшем обществе такие, какие были тут в прошлый раз, мы ничего не потеряем, если не придем, но, сдается мне, они все-таки разные. Вот вы точно отличаетесь. Я видела, как вы заставили Хелен засмеяться — это Хелен-то Ярмис! Помоему, никто раньше не замечал, чтобы она смеялась. Если не возражаете, я расскажу о вас своей подруге.

— Валяйте. — Я прервался на очередную устрицу. — Но хочу вас поправить. Я не из высшего общества. Обыкновенный наемный работник.

— О! — Роуз понятливо кивнула. — Это все объясняет. А чем вы занимаетесь?

Памятуя о необходимости проявлять скромность, я помолчал. Не ровен час, эта мисс Таттл заподозрит, что миссис Робилотти наняла детектива приглядывать за гостями.

— Ну, можно сказать, что я улаживаю проблемы. Я работаю на человека по имени Ниро Вулф. Полагаю, вы слышали о нем.

— Кажется, да. — Устрицы закончились, и Роуз положила вилку на стол. — Уверена, я где-то... А-а, вспомнила! Убийство, какая-то женщина... Съезден, по-моему, Вулф — сыщик, правильно?

— Правильно. Я работаю на него. Однако...

— А вы тоже сыщик?

— Когда на работе — конечно, но не сегодня вечером. У меня выходной. Так что я отдыхаю, развлекаюсь и хотел бы уточнить, что вы имели в виду...

Хэкетт с двумя помощницами убирал со стола тарелки из-под устриц, но не это меня остановило. Я отвлекся на Роберта Робилотти, сидевшего напротив, между Селией Грантэм и Хелен Ярмис: он взмахнул рукой, требуя внимания. Когда голоса других стихли, миссис Робилотти возвысила свой:

— Что такое, Робби? Опять про блоху?

Он улыбнулся жене. Из того небольшого, что узнал о нем за время охоты за бриллиантами, лично я к нему симпатией не проникся, не важно, улыбается он или нет. Впредь постараюсь относиться к нему непредвзято, и мне известно, что не существует закона, запрещающего мужчинам выщипывать брови, носить тонкие усики и полировать длинные ногти, а мое подозрение, что он носит корсет, было всего лишь подозрением. Если он женился на миссис Альберт Грантэм из-за ее денег, я первый соглашусь, что ни один мужчина на свете не женится без причины, а в ее случае иной причины придумать почти невозможно. Кроме того, допускаю, что у него есть некие скрытые добродетели, которых я не сумел разглядеть. Но твердо знаю одно: будь мое имя Роберт и женись я по некой причине на женщине на пятнадцать лет меня старше, сплошь состоящей из углов, то ни за что не разрешил бы называть себя Робби.

Надо отдать ему должное, он не позволил супруге себя заткнуть. Всеобщего внимания он добивался, чтобы поведать исто-

рию о сотруднике рекламного агентства, который изучал блох, — и был решительно настроен досказать до конца. Я уже слышал ее от Сола Пензера, который рассказывал красочнее, но и Роберт сумел заинтриговать слушателей. Трое мужчин из высшего света засмеялись — тактично, утонченно и скромно. Хелен Ярмис наконец-то изогнула уголки рта кверху. Близнецы Грантэм сочувственно переглянулись. Фэйт Ашер перехватила взгляд Этель Варр, сидевшей напротив, едва заметно покачала головой и стыдливо потупилась. Затем Эдвин Лэйдлоу пустился рассказывать об авторе, написавшем целую книгу невидимыми чернилами, а Беверли Кент поделился анекдотом об армейском генерале, забывшем, на чьей стороне он сражается. Мы словно сделались большой и счастливой — ну, почти счастливой — семьей, и тут подали голубей. Я понял, что угодил в неприятности. За столом у Вулфа мы обыкновенно брали птицу руками — это единственный практичный способ, — но здесь же требовалось блюсти манеры! Меня спасла Роуз Таттл: одной рукой она вонзила вилку в птичью тушку, а другой оторвала бедрышко.

Вообще-то, мисс Таттл мимоходом обронила кое-что сильно меня заинтересовавшее, и я был не прочь развить беседу, однако она увлеклась разговором с Эдвином Лэйдлоу, сидевшим слева, поэтому я покосился на Этель Варр справа от себя. Ее лицо продолжало преподносить сюрпризы. В профиль, на таком близком расстоянии, оно выглядело иначе, а когда девушка повернулась и мы встретились взглядами, преобразилось снова.

— Надеюсь, вы не возражаете против замечаний личного свойства, — сказал я.

— По-разному бывает. Не могу ничего обещать, пока не услышу.

— Ладно, я рискну. Вдруг вы решите, что я на вас пялюсь. Хотел сразу объяснить...

— Вот как? — Она улыbnулась. — Может, лучше не стоит? Может, ваше объяснение меня расстроит? Может, я лучше и дальше буду думать, что вам просто хочется на меня смотреть?

— И это правильно. Если бы мне не хотелось, я бы не смотрел, сами понимаете. Но вот такая штука — я все пытаюсь поймать момент, когда вы будете выглядеть одинаково, и у меня не

получается. Только вы чуток повернетесь, в любую сторону, как лицо меняется. Знаю, есть люди, которые умеют так делать, но я никогда не видел лица подвижнее вашего. Вам раньше такого не говорили?

Она раздвинула губы, снова их сомкнула и отвернулась от меня. Мне оставалось лишь уткнуться носом в свою тарелку, и я так и поступил, но мгновение спустя Этель вновь заговорила со мной.

— Между прочим, мне всего девятнадцать, — сообщила она.

— Мне тоже когда-то было девятнадцать, — признался я. — Что-то в том возрасте мне нравилось, а что-то было ужасным.

— Вы правы, — согласилась она. — Я пока не научилась вести себя как надо, но обязательно научусь. С моей стороны было глупо отворачиваться от вас. Вы верно сказали, мне и вправду говорили про мое лицо. Много, много раз.

Вляпался, сокрушенно подумал я. Как прикажете быть тактичным, когда неизвестно, что укладывается в рамки, а что за них выпирает? Подвижное лицо вовсе не означает, что девушка непременно обзаведется ребенком. Нужно как-то выпутываться...

— Я предупреждал, что замечание будет личного свойства, и просто хотел объяснить, почему таращусь на вас. Думать не думал, что своим вопросом вас оскорблю. Давайте сочтемся, хорошо? Меня самого раздражают разговоры о лошадях: однажды я зацепился каблуком за стремя, когда спешивался. Можете спросить у меня что-нибудь насчет лошадей, и мое лицо изменится, вот увидите.

— Должно быть, вы катались в Центральном парке? Я права?

— Нет, это было летом на Западе. Продолжайте, у вас неплохо получается.

Мы болтали о лошадях, пока не встрял Пол Шустер, сидевший справа от Этель. Я не виню его, ведь с другого бока от него восседала миссис Робилотти. Но поскольку Эдвин Лэйдлоу по-прежнему занимал Роуз Таттл, лишь во время десерта — принесли вишневый пудинг со взбитыми сливками — мне удалось ее расспросить.

— Вы кое-что сказали, — напомнил я. — По-моему, я не расслышал.

Она проглотила кусочек пудинга.

— Может, я невнятно сказала. Со мной случается. — Она подалась ко мне и понизила голос. — Этот мистер Лэйдлоу, он ваш приятель?

Я покачал головой:

— Сегодня я увидел его впервые в жизни.

— Что ж, вы ничего не потеряли. Он издает книжки. Вот скажите, когда вы смотрите на меня, вам кажется, что я до смерти хочу узнать, сколько книжек вышло в прошлом году в Америке, Англии и других странах?

— Нисколько. Сдается мне, вы отлично обошлись бы без этих познаний.

— То-то и оно. Ну, что я не так сказала?

— Дело не в том, что вы сказали что-то не то. Вы упомянули мужчин из общества, которые были тут в прошлый раз, и я не совсем понял... Вы подразумевали, что уже бывали на такой вечеринке?

— Именно так, — кивнула она. — Это было три года назад. Вы же знаете, вечеринки устраивают каждый год.

— Да, знаю.

— Сегодняшняя у меня вторая. Та моя подруга, про которую я говорила, думает, что меня снова позвали на шампанское из-за второго ребенка, но я вас уверяю: будь я без ума от шампанского, то уж придумала бы, как быстрее попасть сюда опять. К тому же я и ведать не ведала, что меня пригласят. Сколько мне лет, по-вашему?

Я присмотрелся к ней:

— Э-э... Двадцать один?

Она довольно усмехнулась:

— Понятно, что из вежливости вы сбросили пяток, так что ваша догадка верна. Мне двадцать шесть. Сами видите, это неправда, будто после рождения детей девушки выглядят старше. Конечно, если детей много, восемь или десять, ты точно постареешь. Но лично я не верю, что выглядела бы моложе, не будь у меня двоих малышей. Что скажете?

СОДЕРЖАНИЕ

БОКАЛ ШАМПАНСКОГО

Перевод К. Королева 5

СОЧИНЯЙТЕ САМИ

Перевод Д. Попова 177

ТРОЕ У ДВЕРЕЙ ВУЛФА

Яд подается порционно. Перевод Т. Чернышевой 353

Третий способ. Перевод А. Санина 420

Убийство на родео. Перевод Д. Попова 502